

ОБЛАКО ПУСТОТЫ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И НАСТАВЛЕНИЯ
ВЕЛИКОГО ЧАНЬСКОГО УЧИТЕЛЯ
СЮЙ-ЮНЯ

虛雲

ИСТОЧНИКИ ЖИВОЙ ИСТИНЫ

Источники живой истины

Сборник

**Облако Пустоты. Жизнеописание
и наставления великого
чаньского учителя Сюй-юня**

«ИД Ганга»

2014

Сборник

Облако Пустоты. Жизнеописание и наставления великого чаньского учителя Сюй-юня / Сборник — «ИД Ганга», 2014 — (Источники живой истины)

ISBN 978-5-906154-58-3

Сюй-юнь (1840–1959) – самый знаменитый просветленный учитель традиции чань XX в. в Китае. Он обрел просветление без помощи учителей и возродил находящиеся в упадке учения исключительно силой своего собственного прозрения, став чем-то вроде живой легенды своего времени. Его жизнь и пример вызывают такие же чувства благоговения и вдохновения в умах китайских буддистов, какие тибетские буддисты испытывают к Миларепе. Книга содержит автобиографию Сюй-юня и его наставления. Первое издание книги вышло в свет в 1996 г. под названием «Порожнее облако». В настоящее исправленное и дополненное издание, сверенное с оригиналом на китайском языке, вошли новые материалы, в том числе наставления Сюй-юня на второй чаньской семидневке.

ISBN 978-5-906154-58-3

© Сборник, 2014

© ИД Ганга, 2014

Содержание

Вступление	5
Автобиография Сюй-юня с 1-го по 112-й годы жизни	7
Мой 1-й год (1840–1841)	7
Мой 11-й год (1850–1851)	8
Мой 13-й год (1852–1853)	9
Мой 14-й год (1853–1854)	10
Мой 17-й год (1856–1857)	11
Мой 19-й год (1858–1859)	12
Мой 20-й год (1859–1860)	13
Мой 23-й год (1862–1863)	14
Мой 25-й год (1864–1865)	15
Мой 27-й год (1866–1867)	16
Мои 28-й, 29-й и 30-й годы (1867–1870)	17
Мой 31-й год (1870–1871)	18
Мой 32-й год (1871–1872)	20
Мой 33-й год (1872–1873)	21
Мой 34-й и 35-й годы (1873–1875)	22
Мой 36-й год (1875–1876)	23
Мой 37-й год (1876–1877)	24
Мой 38-й год (1877–1878)	25
Мой 39-й год (1878–1879)	26
Мой 40-й год (1879–1880)	27
Мой 41-й год (1880–1881)	28
Мой 42-й год (1881–1882)	29
Мой 43-й год (1882–1883)	30
Мой 44-й год (1883–1884)	31
Мой 45-й год (1884–1885)	33
Мой 46-й год (1885–1886)	38
Мои 47-й и 48-й годы (1886–1887)	39
Мой 49-й год (1888–1889)	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Облако Пустоты. Жизнеописание и наставления великого чаньского учителя Сюй-юня (редактор: Константин Кравчук)

Вступление

К моменту ухода в мир иной Сюй-юнь был справедливо признан самым выдающимся китайским буддистом традиции чань своего времени в «Срединном государстве». Он стал чем-то вроде живой легенды. Его образ и его жизнь в умах китайских буддистов вызывают такие же чувства благоговения и вдохновения, какие тибетские буддисты испытывают к Миларепе. В места, где он в последние десятилетия своей жизни во время медитационных затворов давал наставления и читал проповеди, устремлялись сотни учеников, иногда их число достигало тысяч. Такой энтузиазм не наблюдался в китайских монастырях со времен династии Мин, когда жил наставник Хань-шань (1546–1623). В период упадка Дхармы этот выдающийся чаньский наставник начал реконструкцию храмов и возрождение учений, как и наставник Сюй-юнь спустя триста с лишним лет. Многие храмы, в которых Сюй-юнь останавливался в разные годы, представляли собой развалины – убогие тени былого величия. Он восстановил эти храмы и монастыри наряду с учениями, которые были их внутренним содержанием. Поэтому неудивительно, что Сюй-юнь вскоре получил прозвище «Хань-шань приходит вновь» или «Хань-шань вернулся», – их жизненные пути были во многом схожи. Оба после посвящения носили имя «Дэ-цин» и восстановили каждый в свое время монастырь Хуйнэна в Цаоси. Однако в отличие от своих великих предшественников династий Тан, Сун и Мин, нередко находящихся под официальным патронажем императора, Сюй-юнь жил в самое беспокойное для Китая и китайского буддизма время, время нескончаемых всплесков гражданских и международных конфликтов, когда повальная бедность была в порядке вещей.

И в этих жесточайших условиях к концу своего жизненного пути ему удалось восстановить десятки основных буддийских святынь, включая знаменитые монастыри Юньси, Наньхуа, Юньмэнь и Чжэньжу, а также многие храмы меньшей величины. Он основал множество буддийских школ и больниц. У него были последователи по всему Китаю, в Малайзии, Таиланде и других странах, где буддизм пустил свои корни. Во время пребывания наставника в Таиланде сам король, вдохновленный его примером, стал его учеником. Сделанное Сюй-юнем за его жизнь стало бы великим достижением даже в те времена, когда буддизм получал официальную поддержку. Но тот факт, что он практически возродил китайский буддизм во времена всеобщей нищеты и смуты, гораздо более примечателен и даже граничит с чудом. Сюй-юнь был со всей очевидностью пропитан благородным духом старых времен.

Реставрационные работы наставника часто принимали необычный поворот, будто скрытый резервуар всей китайской буддийской традиции хотел излить себя по-новому через эту личность.

На протяжении всей своей долгой подвижнической деятельности – и в благоприятных, и в неблагоприятных условиях – он оставался простым и скромным монахом. Встречавшиеся с ним люди, включая критично настроенных западных обозревателей, отмечали его абсолютное безразличие к своим достижениям. В то время, когда многие лишь разглагольствовали о дхарме, Сюй-юнь непреклонно делал свое дело, не затрагиваемый суматохой вокруг. Когда наставник отправлялся восстанавливать святыне места, при нем был только посох – его

единственная «собственность». Выполнив поставленную задачу, он уходил с тем же посохом, ничего с собой не беря. Поднявшись на гору для восстановления монастыря Чжэньжу, лежащего в развалинах, он поселился в коровнике. Несмотря на наличие больших средств, собранных последователями наставника на цели реставрации, он предпочитал жить в нем и после восстановления монастыря.

Наставник обрел просветление без помощи учителей и возродил находящиеся в упадке учения исключительно силой своего собственного прозрения.

Первая часть книги – биография Сюй-юня по 112 год его жизни, надиктованная им самим своим помощникам. События, происходившие далее вплоть до кончины Учителя в 1959 году, зарегистрированы его ближайшим окружением.

Повествование дополнено комментариями Цэнь Сюэлюя, издателя «Облака Пустоты» на китайском языке.

Автобиография Сюй-юня с 1-го по 112-й годы жизни

Мой 1-й год (1840–1841)

Я родился в административном центре уезда Цюаньчжоу в последний день седьмого месяца года с циклическими знаками *гэн-цзи*, на двадцатом году правления под девизом Даогуан (26 августа 1840 г.). Увидев, что произвела на свет некий мешок с плотью ¹, моя мать испугалась. Подумав, что больше никогда не сможет вынашивать ребенка, она предалась отчаянию и отошла в мир иной. На следующий день в наш дом зашел старик – торговец целебными травами. Он вскрыл ножом мешок и извлек ребенка мужского пола, которого потом воспитывала мачеха.

¹ Вероятно, у нее произошло выпадение матки.

Мой 11-й год (1850–1851)

Моя бабушка была в преклонном возрасте и, поскольку меня усыновил мой дядя с правом на наследство, она решила, что мне подобает взять в жены двух девиц из семей Тянь и Тань. Обе семьи принадлежали к хунаньскому чиновничеству и жили в провинции Фуцзянь. Мы дружили семьями в течение многих поколений. Той зимой бабушка покинула этот мир.

Мой 13-й год (1852–1853)

В том году я был рядом с отцом, когда гроб моей бабушки перевозили в Сянсян. Там ее похоронили. Пригласили монахов для совершения буддийских обрядов. Тогда я впервые увидел ритуальную утварь Трех сокровищ, которая мне пришлась по душе. В нашей домашней библиотеке было много буддийских сутр, и я поэтому имел возможность прочесть предание о Благоухающей горе и о том, как достиг просветления бодхисаттва Авалокитешвара. Это сильно повлияло на мой ум. На восьмом месяце мы отправились с дядей в паломничество в Наньюэ, где посетили несколько монастырей. У меня было чувство, будто мои прежние кармические устремления против того, чтобы я возвращался домой. Но поскольку мой дядя был очень строг, я не посмел рассказать ему о своих чувствах.

Мой 14-й год (1853–1854)

Отцу стало известно, что я хочу оставить дом и присоединиться к *сангхе*. Чтобы удержать меня, он нанял даоса Вана обучать меня даосской практике на дому. Учитель снабдил меня даосскими книгами, а также преподавал мне даосскую «внутреннюю» (*нэй-гун*) и «внешнюю» (*вай-гун*) технику. Мне не понравилось это учение, но я не посмел в этом признаться. Той зимой период траура по бабушке закончился. Отец оставил меня на полное попечение дяди и вернулся в Фуцзянь².

² Период траура по близким родственникам в конфуцианстве составляет три года. Вот почему отец Сюй-юня не вернулся в Фуцзянь раньше.

Мой 17-й год (1856–1857)

Последние три года я изучал даосизм дома. Я понял, что учение, с которым меня знакомят, не затрагивает сокровенных глубин ³. Хотя во время занятий я чувствовал себя словно сидящим на иголках, я продолжал притворяться, не желая огорчать дядю. Я делал вид, что все идет хорошо. Чтобы избежать его бдительного ока, я занимался домашним хозяйством. Однажды, когда он ушел, я решил воспользоваться удобным моментом и сбежать. Собрав свои вещи, я направился в Наньюэ. Много трудных дорог и развилок осталось позади, но когда было пройдено почти полпути, меня догнал человек, посланный за мной, и вернул обратно. Меня и моего двоюродного брата Фуго отправили в Цюаньчжоу. Вскоре после этого по распоряжению отца привезли двух девиц из семей Тянь и Тань. Была отпразднована официальная свадьба, хотел я того или нет. Таким образом, меня подвергли «домашнему аресту». Я жил с двумя девицами, но не вступал с ними в интимные отношения. Я ознакомил их с буддадхармой, которой они вняли. Мой двоюродный брат Фуго заметил, что их тоже не волнует мирское, и также иногда беседовал с ними о дхарме. Таким образом, и наедине друг с другом, и на людях мы оставались целомудренными партнерами.

³ Видимо, в изложении даоса Вана это действительно так и было. На самом деле истинная природа, на которую указывают буддизм и даосизм, одна и та же. — *Ред.*

Мой 19-й год (1858–1859)

Я дал обет уйти от мира. Мой двоюродный брат разделил мое устремление. Тайком я навел справки о том, как добраться до гор Гушань в Фучжоу. Я написал «Песню кожаного мешка», которую оставил почитать двум девицам. Мы с Фуго убежали в монастырь Юнцюань (Бурлящий источник) на горе Гушань в Фучжоу. Там почтенный учитель Чан-кай обрил мне голову.

Мой 20-й год (1859–1860)

Я стал последователем наставника Мяо-ляня на горе Гушань и получил от него полное посвящение. Мне дали дхармовое имя Гу-ян, еще одно имя Янь-чэ и прозвище Дэ-цин. Мой отец, работавший тогда в Цюаньчжоу, послал слуг разыскать меня. Мой двоюродный брат Фуго после своего полного посвящения отправился путешествовать в поисках просветленных учителей и больше никогда не давал о себе знать. Я укрылся в гроте за горой, где приносил свои покаяния мириадам будд, не осмеливаясь показаться наружу, тогда как время от времени появлявшиеся тигры и волки меня ничуть не пугали.

Мой 23-й год (1862–1863)

Подошел к концу трехлетний срок покаяний в грехах. Однажды с горы Гушань пришел некий монах и сказал: «Теперь тебе нет нужды скрываться. Твой старик-отец ушел в отставку в связи с преклонным возрастом и уехал домой. Старый учитель Мяо-лянь похвалил тебя за то, что ты так долго жил аскетом, но сказал, что кроме мудрости ты должен накапливать заслуги, вытекающие из добродетельных поступков. Ты можешь вернуться в горный храм, найти себе там работу и служить людям». После этого я вернулся в горный храм и получил работу.

Мой 25-й год (1864–1865)

Продолжал работу на горе Гушань. На двенадцатом месяце той зимы узнал, что мой отец скончался дома в Сянсяне. С тех пор я больше не навел справки о семье и ничего не слышал о родственниках.

Мой 27-й год (1866–1867)

Из Сянсяна приезжал человек. Он сообщил, что после смерти моего отца мачеха Ван со своими двумя невестками покинула дом и ушла в монастырь. Моей мачехе Ван дали там дхармовое имя Мяо-цзин (Глубокая Чистота), моей жене Тянь – Чжэнь-цзе (Истинная Незапятнанность), а моей жене Тань – Цин-цзе (Чистое Целомудрие).

За четыре года я сменил несколько должностей в храме на горе Гушань. Я служил водосом, садовником, уборщиком и жезлоносцем. Я брался за любую тяжелую работу, а от легкой отказывался. Иногда в храме распределяли пожертвования между монахами, но я никогда не брал своей доли. Каждый день я съедал лишь кружку рисовой размазни, но здоровье мое никогда еще не было таким крепким.

В те дни чаньский учитель Гу-юэ превосходил всех в храме в практике аскетизма, и я всякий раз, когда позволяли обстоятельства, подолгу с ним беседовал. Мне стало казаться, что работа, которую я выполнял все эти годы, в некоторой степени мешала моей практике. Я вспомнил учителя дхармы Сюань-цзана, который хотел отправиться в Индию в поисках сутр и за десять лет до того начал изучать санскрит и тренироваться физически. Каждый день он проходил по сто *ли*⁴. Он старался также воздерживаться от еды – сначала в течение одного полного дня. Постепенно он довел воздержание до определенного числа дней. Он готовил себя к условиям пустыни, где не всегда есть даже вода и трава. Если древние, стремясь к своей цели, были способны на такой аскетизм, то чем я хуже? Почему бы и мне, думал я, не последовать его примеру?

В конце концов я оставил все свои монастырские обязанности, роздал свою одежду монахам и, захватив рясу, пару штанов, башмаки, соломенный дождевик и коврик для сидения, вернулся в горный грот и стал жить в нем.

⁴ Ли – китайская единица измерения длины, приблизительно полкилометра.

Мои 28-й, 29-й и 30-й годы (1867–1870)

Я прожил в гроте три года, питаюсь сосновыми иголками и зелеными побегами травы, а питьем моим была вода из горных ручьев. Со временем штаны и башмаки износились, и только ряса прикрывала тело. Волосы и борода отрасли более чем на чи⁵, так что я завязывал волосы в узел. Мой взор стал огненным и пронзительным настолько, что встречные принимали меня за горного духа и убегали. Таким образом, я ни с кем не общался.

В течение первых двух лет затворничества я испытал много необычных переживаний, но воздерживался от анализа и прогонял их, сдерживая ум однонаправленным повторением имени Будды. В горной глуши и среди болот на меня не набрасывались тигры и волки, не кусали змеи и насекомые. Я не жаждал ничьей симпатии и не ел домашней пищи. Лежа на земле и глядя в небо, я чувствовал, что все вещи – во мне самом. Я испытывал огромную радость, будто был *дэвом* (богом) четвертого неба дхьяны⁶. Я считал, что самое большое бедствие для мирского человека – наличие у него тела и рта. Я вспоминал одного древнего мудреца, который говорил, что его нищенская чаша может «заглушить звон тысяч колоколов»⁷. Поскольку у меня не было даже чаши, я испытывал безмерную свободу и ничто мне не могло помешать. Сознание мое было чисто и свободно, и с каждым днем я становился сильнее. Зрение и слух обострились, походка стала легкой настолько, что мне казалось, будто я летаю по воздуху. Не могу объяснить, как мне удалось достичь такого состояния. На третий год я мог, совершенно не уставая, в свое удовольствие передвигаться с места на место на любые расстояния, куда захочу. Было много гор, на которых можно было остановиться, и диких трав, которыми можно было питаться, так что я отправился странствовать по разным местам. Так незаметно прошел год.

⁵ Единица длины, равная 0,32 м.

⁶ Дэвы имеют только сознание.

⁷ Чаньский учитель Хань-шань (1546–1623) назвал свою чашу для подаяний (патру) «утварью, посрамляющей десять тысяч колоколов», имея в виду, что привязанность даже к нищенской чаше может отвлечь сознание практикующего так же легко, как звон тысяч колоколов.

Мой 31-й год (1870–1871)

Я добрался до горы в Вэньчжоу и обосновался в пещере. Зашел какой-то чаньский монах. Учтиво поклонившись, он сказал: «Я давно уже слышал о вашей высокой добродетели и пришел к вам с мольбой наставить меня».

Мне было очень стыдно слышать это, и я ответил: «Мои познания поверхностны, так как пока не представился случай встретиться с опытными учителями. Не могли бы вы проявить должное сострадание и дать мне некоторые указания относительно Дхармы?»

«Как долго вы ведете такой аскетический образ жизни?» – спросил он. Я поведал ему о своей практике, и он сказал: «У меня тоже не было возможности много узнать, так что я не могу давать указаний, но вы могли бы пойти в храм Лунцюань на вершине Хуадин горы Тяньтай и обратиться к учителю дхармы Жун-цзину, человеку исключительно добродетельному. Он приверженец школы тяньтай⁸. Он поможет вам достичь просветления».

Я взобрался на вершину Хуадин и дошел до храма, крытого соломой, у которого встретил монаха. Я спросил у него, где старый учитель дхармы. Он ответил, жестом указывая на одного из обитателей храма: «Это вон тот человек в залатанной рясе». Я подошел к учителю и совершил низкий поклон. Поскольку он не обратил на меня никакого внимания, я сказал: «Я пришел к вам с мольбой о наставлениях и надеюсь на вашу снисходительность».

Он долго смотрел на меня, потом спросил: «Ты монах, даос или мирянин?»

«Монах», – ответил я.

«Ты был посвящен?» – спросил он.

«Я получил полное посвящение», – ответил я.

«Как долго ты находишься в таком состоянии?» – спросил он. Когда я рассказал ему о своих исканиях, он спросил: «Кто обучал тебя такой практике?»

Я ответил: «Я занимался такой практикой потому, что древние достигали просветления посредством такого аскетизма».

Он сказал: «Ты знаешь, что древние дисциплинировали тело, но знаешь ли ты о том, что они также дисциплинировали сознание?» Затем он добавил: «Судя по твоей теперешней практике, тебя можно сравнить с еретиком, находящимся на абсолютно ложном пути. На свои упражнения ты зря потратил десять лет. Даже если бы ты жил в пещере и пил воду из ручьев и тебе удалось бы прожить десять тысяч лет, ты всего лишь принадлежал бы к одному из десяти классов *риши* (бессмертных), перечисленных (в «Пятидесяти ложных состояниях») в «Шурангама сутре», и все еще был бы далек от Дао. Даже если бы тебе удалось продвинуться еще на один шаг, пожиная «первый плод»⁹, ты был бы лишь *пратьекабуддой*. Бодхисаттва же ищет совершенства будды на «верхнем» уровне во имя обращения и освобождения живых существ, находящихся здесь, «внизу». Его путь направлен на самоосвобождение ради освобождения других. Он вырывается за пределы мирского плана бытия, не покидая последнего.

Если твой метод – воздерживаться от еды и обходиться без штанов, то это всего лишь поиск необычного. Как ты можешь надеяться, что такая практика приведет к совершенному достижению?» Так учитель «уколол» в самое мое больное место, и я снова совершил низкий поклон, умоляя его дать мне наставления.

⁸ Ее основоположником был учитель Хуй-вэнь во времена династии Северная Ци (550–578), но ее окончательное укрепление имело место при учителе Чжи-и с горы Тяньтай из Тайчжоу, провинция Чжэцзян, отсюда и название школы. Она основывает свою практику на «Лотосовой сутре», «Махапаринирвана-сутре» и «Махапраджняпарамита-сутре». Ее цель – раскрытие тайн всех явлений методом «прекращения и созерцания» (*чжи-гуань*).

⁹ Сроta-апанна, т. е. «вошедший в поток» святой жизни в медитации, но только с единственной целью достижения просветления лишь для себя.

Он сказал: «Я буду тебя обучать. Если будешь должным образом выполнять мои наставления, можешь остаться здесь, но если не будешь – тебе придется уйти».

Я сказал: «Я пришел сюда за наставлениями, разве я смею не повиноваться?»

После этого учитель дал мне одежду и обувь и приказал обрить голову и принять ванну. Он дал мне работу и стал учить поискам глубинного смысла *гунъаня*¹⁰ «Кто тащит за собой этот труп?». С тех пор я снова стал есть рис и кашу и практиковать медитацию по системе школы тяньтай. Поскольку я работал усердно, учитель хвалил меня.

¹⁰ Гунъань (яп. коан) «Кто тащит за собой этот труп?» выявляет Сознание, или сокровенную природу, и ее превосходство над телом из четырех элементов. Когда Сознание отождествляет себя с телом, мы попадаем в положение «гостя» в самсаре, а когда осознаем, что наши иллюзорные тела – видоизменения, возникающие в неизменном Сознании, занимаем положение «хозяина» и воссоединяемся с неизменным. В чаньских монастырях привязанных к своему телесному «я» называют «охраняющими труп демонами».

Мой 32-й год (1871–1872)

Во время пребывания в монастыре Лунцюань я помогал учителю, а он время от времени давал мне советы относительно того, как пробудить первозданную мудрость сокровенного сознания. Хотя учителю было более 80 лет, он строго соблюдал правила дисциплины (*вина*) и хорошо разбирался как в вопросах обучения, так и в чаньской практике. Он не раз приказывал мне занять место наставника и просвещать посетителей монастыря.

Мой 33-й год (1872–1873)

По распоряжению старого учителя я отправился в монастырь Гоцин изучать чаньскую практику, потом в монастырь Фангуан изучать доктрину *фахуа* (Цветок лотоса).

Мой 34-й и 35-й годы (1873–1875)

Я оставался в монастыре Гоцин, изучал сутры и время от времени возвращался в храм Лунцюань для общения со старым учителем Жун-цзином.

Мой 36-й год (1875–1876)

Я отправился в монастырь Гаомин, чтобы послушать, какое толкование «Лотосовой сутры» дает учитель дхармы Мин-си. На том этапе я должен был попрощаться со старым учителем Жун-цзином, что не обошлось без грусти. В связи с этим я провел несколько вечеров в разговорах с ним, перед тем как его покинуть. Мы обменялись благопожеланиями, после чего я спустился с горы. Я прошел через Сюэдоу и прибыл в монастырь Юэлинь, где слушал толкование «Сутры Амитабхи». После этого я переправился через море к горе Путо, где встретил Новый год в храме Хоусы.

Мой 37-й год (1876–1877)

Из Путо я вернулся в Нинбо, где остановился в монастыре царя Ашоки, договорившись о питании за три доллара в месяц. Там я почтил реликвию (*шариру*) Шакьямуни Будды и две Питаки (Каноны хинаяны и махаяны), извлекая из этого пользу в отношении оплаты долга благодарности, не выплаченного мною родителям. Оттуда я отправился в монастырь Тянтун ¹¹, где слушал комментарии к «Шурангама сутре».

¹¹ Расположен на горе Тяньтун в провинции Чжэцзян. Он был построен И-сином во времена династии Западная Цзинь в 300 г. и превратился в знаменитый чаньский центр смешанных направлений линьцзи и цаодун. Именно здесь выдающийся японский учитель Догэн (1200–1253) встретил своего китайского учителя Жу-цзина (1163–1228) во времена династии Сун.

Мой 38-й год (1877–1878)

Из Нинбо я отправился в Ханчжоу в паломничество с посещением Саньтяньчжу и других святых мест. На полпути с вершины горы Саньтяньчжу я навестил настоятеля Тянь-лана и ответственного за прием гостей монастыря Чан-суна, выразив им свое почтение. Я провел зиму в Ситяне.

Погода стояла жаркая, когда я возвращался из Нинбо в Ханчжоу, а пароход был слишком мал, чтобы вместить всех пассажиров. Некоторые из них лежали на палубе. Среди них были молодые женщины. Ночью, когда все спали, я почувствовал чье-то прикосновение. Я проснулся и увидел около себя девушку, которая сняла с себя одежду, предлагая мне свое обнаженное тело. Я не осмелился что-либо сказать. Живо поднявшись, я сел, скрестив ноги, и стал повторять мантру. Она застыла при виде этого. Если б я тогда повел себя глупо, у меня неизбежно ушла бы почва из-под ног. В связи с этим я всегда призывал всех приверженцев Дхармы быть настороже в подобных ситуациях.

Мой 39-й год (1878–1879)

В тот год я посетил монастырь Тяньнин и выразил свое почтение настоятелю Цин-гуану. Там я остался на зиму.

Мой 40-й год (1879–1880)

Я взобрался на гору Цзяошань и выразил свое почтение настоятелю Да-шую. Старший полицейский офицер Пэн Юйлинь, остановившийся там, несколько раз настоятельно просил, чтобы я рассказал ему о буддадхарме и ее практике. Я был объектом доверия и уважения.

Мой 41-й год (1880–1881)

В том году я посетил монастырь Цзиньшань и навещил учителей Гуань-синя, Синь-линя и Да-дина. Я сидел в медитации, в то время как проходила зима.

Мой 42-й год (1881–1882)

В тот год я посетил монастырь Гаоминь в Янчжоу и отдал дань почтения настоятелю Лан-хую. Я прожил там зиму и добился значительных успехов в чаньской практике.

Мой 43-й год (1882–1883)

Более двадцати лет прошло с тех пор, как я разорвал семейные узы, дабы расстаться с мирской жизнью. Поскольку мои духовные достижения были еще неполными и я не взялся ни за что по-настоящему, мне стало очень стыдно. Чтобы отдать свой долг благодарности родителям, я решил совершить паломничество в Путо на востоке, а оттуда в горы Утай (Пять вершин) на севере. Я пробыл несколько месяцев в Путо, где в покое среди прекрасных видов упрочился в своих обетах. В первый день седьмого лунного месяца я покинул крытый соломой храм Фахуа. Держа в руке горящие благовонные палочки, я отправился в путь к горе Утай. Я дал обет совершать низкие поклоны через каждые два шага на этом долгом пути, пока не доберусь до места назначения. На первом этапе этого путешествия меня сопровождали четыре чаньских монаха: Бянь-чжэнь, Цю-нин, Шань-ся и Цзюэ-чэн. После переправы на пароме мы недолго путешествовали вместе, а когда остановились в Хучжоу, мои четыре спутника пошли своей дорогой в Сучжоу и в Чанчжоу, а я продолжал продвигаться дальше в одиночестве. Прибыв в Нанькин, я почтил ступу учителя Фа-жуна на горе Ньютоу¹². Потом переправился через реку на пути к горе Шицзышань (гора Льва) в Пукоу, где остановился в храме и встретил там Новый год.

¹² Современный Нанькин расположен там, где некогда был древний город Цзиньлин. Учитель Фа-жун (594–657) был учеником Дао-синя, четвертого чаньского патриарха, и настоятелем храма на горе Ньютоу, к югу от Нанькина.

Мой 44-й год (1883–1884)

В том году я шел, держа в руке горящие благовонные палочки, с горы Шицзышань на север провинции Цзянсу и достиг провинции Хэнань, по пути посещая Фэнъян, Хаочжоу, Хаолин и Суншань, месторасположение храма Шаолинь. Продвигаясь дальше, я в конце концов добрался до монастыря Байма (Белая Лошадь) в Лояне. Я шел днем и отдыхал ночью, невзирая на то, дул ли ветер или шел дождь, была ли погода хорошей или плохой. Таким образом, совершая низкие поклоны через каждые два шага, я воспевал имя бодхисаттвы Манджушри, сосредоточившись на этом всецело, не замечая ни голода, ни холода.

В первый день двенадцатого месяца я добрался до речной переправы Тесе на Хуанхэ, посетил гробницу императора Гуан-у и остановился на ближайшем постоялом дворе. На следующий день я переправился через реку, и когда оказался на другом берегу, было уже темно, и я не решился идти дальше. Так как место было пустынным, я остановился там, найдя приют в крытой соломой хижине у дороги. Ночью было очень холодно, к тому же был сильный снегопад. Когда я открыл глаза на следующее утро, все вокруг хижины белело от снежного покрова более чем в один чи. Все дороги занесло, и вокруг не было ни души. Поскольку я не мог продолжить свой путь, я сел и начал воспевать имя Будды. Меня донимали голод и холод. У хижины не было даже двери. Я забился в угол. А снег все падал, холод и голод становились все сильнее. Я был на волосок от смерти, но, к счастью, даже в тяжелых обстоятельствах у меня сохранялась однонаправленная концентрация без разбрасывания на посторонние мысли. Прошел один день, другой, третий, все так же шел снег, голод и холод не отступали, постепенно я погрузился в смутное состояние сознания и на утро шестого дня едва заметил бледное солнце. Я был серьезно болен. На седьмой день ко мне зашел нищий и, увидев, что я сплю на снегу, обратился ко мне с вопросом, но я не мог говорить. Он понял, что я болен, вымел снег и, вытащив из крыши пучок соломы, развел костер. Потом он приготовил жидкой каши из желтого риса и накормил меня. Я согрелся и ожил.

Он спросил меня: «Вы откуда?»

«Из Путо», – ответил я.

«Куда направляетесь?» – спросил он.

«Я совершаю паломничество в горы Утай», – ответил я.

«А как вас зовут?» – поинтересовался я.

«Вэнь Цзи»¹³, – сказал он.

«Куда вы идете?» – спросил я.

«Я возвращаюсь с гор Утай в Чанъянь», – ответил он.

Я спросил: «Раз уж вы были в горах Утай, то, наверное, знаете монахов из тамошних монастырей?»

«Каждый меня там знает», – сказал он.

Я спросил: «Как мне лучше всего пройти отсюда на Утай?»

Он ответил: «Через Мэнсянь, Хуайцин, Хуаншалин, Синьчжоу. Тайгу, Тайюань, Дайчжоу и Экоу. Оттуда прямо в горы. Когда вы сначала доберетесь до утеса Бимо, найдите монаха по имени Цин-и, южанина, он преуспел в аскезе».

Я спросил: «Далеко ли отсюда горы?»

«Немногим больше двух тысяч *ли*», – ответил он.

¹³ Согласно преданию, Манджушри дал обет сопровождать каждого паломника в его святое место (бодхимандалу) в горах Утай. Говорят, что он появляется в виде нищего и в другом обличье, чтобы помочь паломникам. Китайские буддисты верят, что «Вэнь Цзи» в этом рассказе – на самом деле Манджушри (кит. Вэньшу), который хотел помочь учителю Сюй-юню.

На рассвете этот нищий приготовил жидкой каши из желтого риса на талой воде. Указав пальцем на содержимое котелка, он спросил: «Вы ели это в Путо?»¹⁴

«Нет», – ответил я.

«А что вы там пили?» – спросил нищий.

«Воду», – ответил я.

Когда снег в котелке полностью растаял, он, указывая пальцем на воду, спросил: «Что это?»¹⁵

Поскольку я не ответил, он спросил: «Чего вы добиваетесь, совершая паломничество в знаменитые горы Утай?»¹⁶

Я ответил: «Я потерял мать при рождении и хочу воздать ей должное за милость моего рождения».

Он сказал: «Как вы сможете преодолеть такое расстояние до Утая со своим мешком на спине в такой холод? Я советую вам отменить паломничество».

Я ответил: «Я дал обет и исполню его, сколько бы времени на это ни потребовалось и какие бы расстояния мне ни пришлось преодолеть».

Он сказал: «Ваш обет трудно исполнить. Сегодня погода улучшилась, но дороги все еще непроходимы из-за снега. Вы можете продолжить свой путь, идя по моим следам. Примерно в двадцати *ли* отсюда есть храм, в котором можно остановиться».

На этом мы расстались. Из-за глубокого снега я не мог совершать низкие поклоны, как раньше, лишь смотрел на следы с чувством уважения. Я добрался до монастыря Малый Цзиньшань и переночевал в нем. На следующее утро с благовонными палочками в руках я продолжил свое паломничество, пройдя через Мэнсянь. На пути из Мэнсяня в Хуайцин мне повстречался старый настоятель по имени Дэ-линь. Увидев, что я совершаю низкие поклоны на дороге, он подошел ко мне, взял мою скамеечку, благовонные палочки и сказал: «Достопочтенный господин приглашен в мой монастырь». Затем он позвал своих учеников и они отнесли мой багаж в храм, где мне оказали радушный прием.

После того как в храме была подана еда и чай, хозяин спросил меня, откуда я начал свое паломничество с поклонами. Я рассказал ему, что, отправившись в паломничество из Путо два года назад, начал исполнять обет своего сыновнего долга благодарности родителям. Из нашей беседы настоятель узнал о том, что я получил посвящение на горе Гушань. По его щекам катились слезы, когда он рассказывал: «У меня было два чаньских спутника: один из Хэнъяна, а другой из Фучжоу. Мы втроем совершили паломничество в горы Утай. Пробыв со мной в этом монастыре тридцать лет, они покинули меня, и больше я ничего о них не слышал. Теперь, когда я слышу ваш хунаньский акцент и знаю, что вы ученик с горы Гушань, я словно снова общаюсь со своими старыми спутниками, и это меня глубоко трогает. Сейчас мне 85 лет. Поначалу источник годовых доходов монастыря был приличным, но в последние годы он уменьшился вследствие плохих урожаев. Этот сильный снегопад предвещает хороший урожай в будущем году, так что вы можете остаться здесь, достопочтенный господин». Со всей серьезностью и искренностью он стал уговаривать меня остаться на зиму и уговорил.

¹⁴ Здесь Вэнь Ци (Манджушри) испытывал учителя своим вопросом, который означает: «Мое сознание указывает на этот лед и задает вам этот вопрос», а также: «Вас учили выявлять глубины своего сознания в Путо?» Бодхисаттва продолжал испытывать учителя следующими вопросами, которых последний не понял, так как еще не достиг просветления.

¹⁵ Вода символизирует сокровенную природу и вопрос этот несет особую смысловую нагрузку.

¹⁶ Снова многозначительный вопрос, так как в чаньской практике ученика учат избегать привязанности к чему-либо, чтобы достичь абсолютного состояния, которое вне категорий приобретения и потери.

Мой 45-й год (1884–1885)

Во второй лунный месяц нового года я отправился из монастыря Хунфу в Хуайцин, совершая по пути воскурения. Потом снова вернулся в монастырь и пробыл там еще некоторое время, намереваясь вскоре его покинуть. На третий день я попрощался с настоятелем Дэлинем. Он плакал, не желая расставаться со мной. Прощаясь, я пожелал ему всяческих благ и отбыл. В тот же день я вернулся в Хуайцин. В окружении его стен был Малый Наньхай, известный также как Малый Путо. Теснота не позволяла странствующим монахам даже развесить свои вещи, уж не говоря о том, чтобы переночевать. Я был вынужден покинуть город и провести ночь у дороги. В тот вечер я испытал острые приступы боли в животе. На четвертый день поутру я возобновил свое путешествие, но ночью меня трясла лихорадка. На пятый день я понял, что у меня дизентерия, но заставил себя идти дальше и совершать низкие поклоны и так продолжал в течение нескольких следующих дней. На тринадцатый день я добрался до горы Хуаншалин, на вершине которой стоял разрушенный храм, где с трудом можно было укрыться. Не в силах больше идти, я остановился там и ничего не ел. День и ночь десятки раз я бегал испражняться. В результате совершенно обессилел и не мог даже подняться и сделать несколько шагов. Поскольку храм находился на вершине безлюдной горы, я закрыл глаза и ждал своего конца без единой мысли сожаления.

На пятнадцатый день поздно ночью я увидел, что кто-то разводит костер у западной стены. Я подумал, что это вор, но когда пригляделся, увидел, что это нищий Вэнь Цзи. Я безумно обрадовался и окликнул: «Вэнь Цзи!» Он принес мне лучину, заменившую лампу, и сказал: «Почему это вы все еще здесь, достопочтенный господин?» Я рассказал ему о том, что со мной случилось. Он сел подле меня, чтобы успокоить, и дал выпить чашку воды. После встречи с Вэнь Цзи в ту ночь я чувствовал себя очищенным телом и духом.

На шестнадцатый день Вэнь Цзи выстирал мою грязную одежду и приготовил для меня лекарство. На следующий день я оправился от болезни и, съев две чашки жидкой желтой рисовой каши, обильно пропотел. После этого я почувствовал воодушевление и прилив сил.

На восемнадцатый день, полностью поправившись, я выразил благодарность Вэнь Цзи, сказав: «Дважды мне угрожала опасность и дважды вы спасали меня. Трудно подобрать слова, способные выразить мою благодарность».

Вэнь Цзи сказал: «Пустяки, не за что благодарить». Когда я спросил его, где он был, он сказал: «В Чанъани». На вопрос, куда он направляется, он ответил: «Я возвращаюсь в Утай».

Я сказал: «Я был болен, да и из-за поклонов, которые мне предстоит совершать в пути, я не смогу следовать за вами».

Он сказал: «Вам не удалось в этом году пройти много. Когда вы доберетесь до места назначения? Поскольку вы еще слабы, вам будет трудно продолжить путь. Низкие поклоны не обязательны, так же как и ваше паломничество».

Я ответил: «Я глубоко тронут вашими добрыми словами, но когда я родился, я не видел своей матери, умершей при родах. Я был единственным сыном у отца, но убежал от него, и из-за этого он ушел в отставку, что укоротило его жизнь. Мне нечем отплатить за как само небо безграничные благодеяния родителей и это не дает мне покоя уже много лет. Я дал обет отправиться в паломничество в горы Утай и молить бодхисаттву Манджушри защитить моих родителей и избавить их от страданий, чтобы у них появилась возможность как можно быстрее получить рождение в Чистой Земле. Несмотря на многие предстоящие трудности, я должен добраться до святого места. Уж лучше умереть, чем не исполнить данный обет».

Вэнь Цзи сказал: «Такая искренняя сыновняя почтительность, как ваша, поистине редка. Я сейчас возвращаюсь в горы и, поскольку не спешу, буду вас сопровождать и понесу ваши

вещи. Таким образом, вы сможете совершать свои поклоны, освободившись от ноши, и достичь полной однонаправленной сосредоточенности сознания».

Я сказал: «Если так, то заслуги ваши будут по достоинству оценены. Если мне удастся продолжить свои поклоны на всем пути до гор Утай, я разделю свои заслуги на две части: одну преподнесу родителям, чтобы они смогли как можно быстрее достичь просветления (бодхи), а другую – вам, мой господин, за то, что спасли мне жизнь. Вы согласны?»

Он сказал: «Я этого не заслуживаю. Вы думаете о сыновней почтительности, тогда как мое участие – всего лишь счастливое совпадение, так что, пожалуйста, не благодарите меня».

Все четыре дня, пока я набирался сил, Вэнь Цзи заботился обо мне. Так как он вызвался нести мои вещи и готовить пищу, я продолжил свое паломничество и поклоны на девятнадцатый день, хотя все еще ощущал слабость. Все иллюзорные представления внезапно исчезли и я больше не был связан внешним, освободившись от ложных мыслей внутри. Мое здоровье постепенно восстанавливалось. Тело с каждым днем набирало силу. С рассвета до наступления темноты я продолжал идти, совершая низкие поклоны, покрывая в день расстояние в сорок пять *ли* и не чувствуя при этом усталости.

В конце третьего лунного месяца я добрался до монастыря Лисян в Тайгу, где от монаха, ответственного за прием гостей, узнал, что настоятель в данный момент наставляет своих подопечных или занят чем-то вроде этого. Он внимательно посмотрел на Вэнь Цзи и спросил меня: «Кто этот человек?» Когда я рассказал ему свою историю, он сделал резкое замечание: «Вы странствующий монах и понятия не имеете, что здесь творится. Последние годы в этих северных районах свирепствует страшный голод, а вы, тем не менее, все же намерены продолжить свое паломничество в Утай. Вы выглядите таким важным, даже слуга у вас есть! Если вы просто хотите доставить себе удовольствие, то зачем тут шляться? Кроме того, в каком, интересно знать, монастыре предлагают остановиться мирянам?»

Я не посмел ответить на такое замечание и, извинившись, собрался уходить. Гостевой управляющий сказал: «Нет таких правил, которые позволяли бы такое. Вам захотелось, и вы пришли, но кто вас сюда приглашал?!»

Видя, что его не урезонить, я сказал: «Этот господин остановится на постоялом дворе, но что касается меня, могу ли я побеспокоить вас просьбой о предоставлении мне ночлега?»

Гостевой управляющий сказал: «Это можно устроить». Вэнь Цзи сказал: «До гор Утай не так уж далеко. Я доберусь туда первым, а вы приходите туда в удобное для вас время. Что касается ваших вещей, то скоро объявится человек, который доставит их на место».

Хотя я сделал все возможное, чтобы удержать его, Вэнь Цзи не захотел оставаться. Я достал несколько мелких монет и предложил ему, но он, отказавшись их взять, отправился в путь.

После этого гостевой управляющий изменился в лице, которое стало приветливым, и любезно проводил меня в спальное помещение. Он вскипятил воду для чая и, приготовив немного лапши, разделил трапезу со мной. Удивленный перемене его отношения ко мне, я огляделся и, не обнаружив никого в поле зрения, спросил: «А сколько у вас здесь монахов?»

Он ответил: «Я провел много лет в других местах, но вернулся сюда руководить монастырем. На протяжении последних нескольких лет здесь свирепствовал страшный голод, остался один я, и, кроме лапши, вся еда закончилась. Я просто пошутил поначалу. Пожалуйста, не обижайтесь».

Услышав это, я был расстроен настолько, что не знал, как реагировать, и с трудом проглотил полчашки лапши. Потом я попрощался с этим монахом и, несмотря на то что он изо всех сил старался меня удержать, я не собирался оставаться.

Я покинул монастырь и бродил по городу, заходя на постоялые дворы в попытке найти Вэнь Цзи, но безуспешно. Все это было восемнадцатого дня четвертого месяца, и луна светила ярко. Решив догнать Вэнь Цзи, я ночью направился в Тайюань, совершая низкие поклоны на

каждом третьем шагу. Я испытывал острое чувство нетерпения, и на следующий день вследствие моего возбуждения у меня пошла кровь из носа. На двадцатый день я добрался до монастыря Байюнь (Белые Облака) в Хуантугоу. Гостевой управляющий монастыря заметил на моих губах запекшуюся кровь, что было следствием кровотечения, и отказал мне в длительном приюте, но неохотно позволил остаться на ночь. Рано утром двадцать первого дня я прибыл в монастырь Цзилэ в Тайюане. Мне не разрешили там остановиться, зато всяческих оскорблений и упреков я наслушался вдоволь.

На двадцать второй день я покинул город ранним утром. За северными воротами я встретил молодого монаха по имени Вэнь-сянь. Он подошел ко мне, освободил от груза скамеечки и вещей и пригласил в свой храм, обращаясь со мной как с родным. Он проводил меня в комнату настоятеля. Мы вместе поели и выпили чаю. Во время нашей непринужденной беседы я спросил: «Достопочтенный господин, вам немногим более двадцати лет и вы не уроженец здешних мест, так кто дал вам должность настоятеля?»

Он ответил: «Мой отец был здешним чиновником в течение многих лет, но когда его перевели в уезд Пинъян, его убил один предатель министр. Моя мать предалась гневу и скорби, тогда как я, подавляя слезы, присоединился к сангхе. Знатные люди и чиновники, с которыми я был знаком, попросили меня позаботиться об этом монастыре, который я уже давно собираюсь покинуть. Теперь, когда я вижу сколь уважаемым человеком вы являетесь, я с великим удовольствием приглашаю вас здесь остаться с надеждой получить от вас наставления». Когда я рассказал настоятелю о своем обете совершить паломничество с низкими поклонами и воскурениями, он проявил ко мне большое уважение и стал настаивать на том, чтобы я остался хотя бы на десять дней. Он предложил мне одежду и оплату дорожных расходов, но я отказался от этого. Когда я покидал его, он, неся мою скамеечку, прошел за мной более десяти *ли*. Потом, расплакавшись, простился.

В первый день пятого месяца я отправился в Синьчжоу. Однажды во время моего очередного низкого поклона на дороге повозка, запряженная лошадьми, догнала меня, но замедлила движение и не стала обгонять. Я сошел на обочину, чтобы ее пропустить. Из повозки вышел чиновник и спросил: «Какую цель преследует достопочтенный господин, совершая низкие поклоны на дороге?» Я объяснил ему, для чего это делаю, и поскольку чиновник был также родом из провинции Хунань, мы с ним приятно побеседовали. Он сказал: «Если такова ваша цель, то, поскольку я в данный момент остановился в монастыре Байюнь в Экоу, который вам не миновать по дороге в горы Утай, позвольте мне взять ваш багаж и доставить его в монастырь». Я поблагодарил его. Он положил мои пожитки на повозку и поехал дальше. Я продолжил свой путь, совершая обычные поклоны и воскурения, без промедлений. В середине пятого месяца я добрался до монастыря Байюнь, где останавливался военный чиновник, взявший мой багаж. Он пригласил меня в свою штаб-квартиру на территории монастыря, где мне было оказано всяческое внимание. Там я провел три дня. Когда я расставался с ним, он предлагал мне деньги на дорожные расходы и прочие подарки, от коих я вежливо отказался. Тем не менее он послал сопровождающих, чтобы доставить мой багаж и некоторую сумму денег в монастырь Сяньтун¹⁷.

С зажженными благовонными палочками я добрался до грота Бимо на горе Гуйфэн. Потом направился к Шицзыво (пещера Льва) и Лундуну (пещера Дракона). Все эти места неопишимо красивы. Но, совершая воскурения и низкие поклоны, я не мог в полной мере оценить эту красоту. На исходе пятого месяца я прибыл в монастырь Сяньтун, где получил свой багаж, доставленный туда солдатами. Сначала я отправился в окрестные храмы, где совершал воскурения и наводил справки о Вэнь Цзи. Его никто не знал, но позже, когда я упомянул об

¹⁷ Монастырь Сяньтун был построен в 58–75 гг. Второй по древности буддийский монастырь в Китае. В нем 400 залов, расположенных на площади в 20 акров.

этом нищем в разговоре с одним пожилым монахом, тот, соединив ладони в знак почтения, сказал: «Это было явление бодхисаттвы Манджушри». Тогда я простерся ниц, воздавая хвалу бодхисаттве¹⁸.

На 22-й день я начал совершать воскурения наряду с обычными поклонами на ходу и двумя днями позже добрался до восточной вершины. В ту ночь луна светила ярко, а звезды сверкали как бриллианты. Я вошел в каменный храм, совершил воскурение и стал произносить молитвы и читать сутры. Просидев там в медитации в течение семи дней, я спустился с вершины горы и отдал дань почтения пещере Нараяны. Находясь там, я обнаружил, что мои запасы еды кончаются. В первый день шестого лунного месяца я возвратился в монастырь Сяньтун. Во второй день начал восхождение на вершину Хуаянь (Аватамсака), совершая по пути воскурения. Я провел там ночь. На третий день с чувством благоговения посетил северную вершину, после чего провел ночь на центральной вершине. На четвертый день я совершил ритуальные обряды на западной вершине и снова провел ночь в горах. На пятый – возвратился в монастырь Сяньтун. На седьмой – отдал дань почтения южной вершине, где провел в чаньской медитации семь дней. На пятнадцатый день я спустился с южной вершины, возвращаясь в монастырь Сяньтун, чтобы посетить Великое Молитвенное Собрание, проводившееся в шестом лунном месяце. Таким образом, данный мною тремя годами раньше обет молиться о спасении моих родителей был полностью исполнен.

В течение всех этих лет, за исключением периодов болезни, шквальных ветров и снегопадов, мешавших совершать воскурения и поклоны, мое сознание пребывало в состоянии полной концентрации. Несмотря на трудности путешествия, сердце мое было преисполнено радостью. Каждый раз я имел возможность испытать силу духа в неблагоприятных условиях, и чем труднее мне было, тем спокойнее становилось на сердце. Таким образом, я постиг, что древние имели в виду, говоря: «Избавляясь от части старых привычек, становишься ближе к свету мудрости; перенося все тяготы, обретаешь часть бодхи».

Красивейшие пейзажи, представавшие перед моим взором во время путешествия из Путо в Чжэцзян, Чжунчжоу, Хуанхэ и Дайхан, были многочисленны и совершенно неописуемы. Детальные описания таких мест даны как в современных, так и в многочисленных древних записках о путешествиях, но по достоинству оценить их красоту нельзя, не очутившись там непосредственно. К примеру, чистое святое место, горы Утай, где воссиял Манджушри и где пред взором предстают бездонные холодные пропасти, покрытые вечными снегами с каменными мостами, пересекающими их, и павильонами, нависшими над пустотой, – такого больше нигде не увидишь. Поскольку я был занят совершением воскурений и поклонов, у меня практически не было времени наслаждаться этими видами. Когда я исполнил свой обет, который, собственно, и был причиной моего пребывания там, я не хотел дать повода горным богам посмеяться над моим глупым любопытством. В конце Великого Молитвенного Собрания я совершил восхождение на вершину горы Дало, где отдал дань почтения «светочам мудрости», появляющимся там, судя по рассказам. В первую ночь я ничего не увидел, но во вторую увидел большой светящийся шар, летящий от Северной вершины к Центральной вершине. Там он опустился и вскоре распался на шары разного размера, число которых превышало десять. В ту же ночь я увидел на центральной вершине три светящихся шара, летающих в воздухе вверх и вниз, а на северной вершине – четыре светящихся шара различного размера.

На десятый день седьмого месяца я, коленопреклоненный, отдал дань почтения бодхисаттве Манджушри, после чего спустился с горы. С вершины Хуаянь я направился на север и прибыл в Даин, к югу от Хуньюаня, где посетил северную вершину горы Хэншань, на которую совершил восхождение через перевал Хуфэн. Там я увидел каменную арку с надписью «Пер-

¹⁸ Это было в исполнение предсказания Вэнь Цзи, что некто возьмет заботы о багаже Сюй-юня до гор Утай.

вая гора Севера». Прибыв в храм, я увидел лестничный пролет, такой высокий, что он казался уходящим в небо, и целый лес каменных стел. Я совершил воскурения и спустился с горы.

Вскоре после этого я добрался до уезда Пинъян (Линьфэнь), где посетил «Южную и Северную пещеры Бессмертных». К югу от города я обнаружил храм императора Яо (прав. 2357–2255 до н. э.). Храм был поистине грандиозен и впечатляющ. Продвигаясь на юг, я добрался до деревни Луцунь уезда Пучжоу (на юго-западе провинции Шаньси), где посетил расположенный поблизости храм Гуань Юя (династия Хань). Я пересек Хуанхэ и преодолел перевал Дунгуань, оказавшись в провинции Шаньси, где из Хуайня совершил восхождение на гору Тайхуашань и нанес визит почтения в храм Западной Вершины Хуашань. Карабкаясь по крутой расщелине Цяньчичуан (Стяг в тысячу *чи*) и проходя через ущелье Байчися (Ущелье в сто *чи*) и по рву Лацзюнь Лигоу, я наблюдал красивейшие пейзажи. Я оставался там в общей сложности дней восемь и, поскольку всегда восхищался подвигами двух древних святых, Бо-и и Шу-ци, посетил гору Шоуян, чтобы почтить их память. Вскоре я достиг юго-западной части провинции Шэньси, где посетил храм Гуаньинь на горе Сяншань и гробницу Чжуанвана. Оттуда направился в провинцию Ганьсу и добрался до горы Кунтун через Цзинчуань и Пинлянь. Так как год уже был на исходе, я вернулся в храм Гуаньинь, где встретил Новый год.

Мой 46-й год (1885–1886)

Той весной я покинул монастырь Гуаньинь на горе Сяншань и пошел с запада через заставу Дацин дальше в провинцию Шэньси. Пройдя через Яочжоу и Саньюань, я в конце концов добрался до Сяньяна, где увидел историческое грушевое дерево, под которым некогда жил древний адепт Чжао-бай. Прибыв в Чаньань с его внушительной стеной, я обнаружил множество исторических развалин. К северо-востоку от города находился монастырь Цыэнь¹⁹, внутри которого была Пагода диких гусей – семиэтажная ступа со знаменитыми каллиграфическими надписями, вырезанными на камне, некоторые из которых были созданы еще при династии Тан; также там были несторианские мемориальные стелы. Перед конфуцианской школой префектуры простирался лес из более чем семиста мемориальных стел. К востоку от города мост Бацяо с семидесятью двумя пролетами с павильоном в ивах. Преодолев тройные ворота заставы Янгуань, я пошел дальше и остановился у монастыря Хуаянь, где отдал дань почтения ступе учителя Ду-шуня²⁰ и имперского учителя Цин-ляна²¹. Затем я отправился в храм Ньютоу и в монастырь Синго, в котором почтил ступу учителя дхармы Сюань-цзана (600–664).

Продолжая путешествие, я достиг восточной вершины гор Утай, Чжуннаньшань, а потом Сянгуо, монастыря Баоцзан и пристанища Байшуйлан, места, в котором некогда обитали двое святых отшельников-монахов. Я посетил бывшее пристанище Цзун-ми²² в пещере Иньдун.

На восточной вершине гор Утай я посетил учителей Цзюэ-лана, Е-кайя, Фа-жэня, Ти-аня и Фа-сина, которые построили там хижины и предлагали мне остаться с ними. Фа-жэнь жил в Тигровом логове. Е-кай расположился под Благодородным драконовым кедром, а Фа-син обосновался в пещере Сян-цзы вместе с Цзюэ-ланом и Ти-анем, тогда как я остановился в большой хижине. Рано утром на первый день третьего месяца я вдруг увидел за домом в небе дождь падающих звезд в небе и смотрел на них, пока он не начал заканчиваться. Не знаю, что это предвещало.

¹⁹ Монастырь Цыэнь, или монастырь Сострадательного Милосердия, был построен наследным принцем Дай-цзуном в 648 г. Пагода была построена по проекту Сюань-цзана в 652 г. с целью разместить массивные коллекции сутр, привезенные в Китай из Индии. Сюань-цзан после своего возвращения перевел более 1300 произведений.

²⁰ Ду-шунь (558–640) – первый патриарх школы хуаянь в Китае. Известен своим сочинением «Созерцание дхармадхату» (*Фа цзе гуань*).

²¹ Иначе – Чэн-гуань (738–840). Известный комментатор и имперский духовный наставник шести следующих друг за другом императоров династии Тан.

²² Цзун-ми (777–841) – 5-й патриарх школы хуаянь (аватамсака) в Китае.

Мои 47-й и 48-й годы (1886–1887)

В эти годы я поначалу жил в хижине на южной вершине горы Утай и практиковал чань с моими упомянутыми выше друзьями, опытными духовными подвижниками, из общения с которыми я извлек очень большую пользу.

На второй месяц я спустился с этой горы и направился к горе Цуйвэй, где отдал дань почтения монастырю Хуанюй. Оттуда я направился к горам Цинхуа и монастырю Цзинье на горе Аньшань, а по пути почтил ступу Дао-сюаня ²³. Вскоре я прибыл в монастырь Цаотан, где почтил святое место Кумарадживы ²⁴. Затем посетил гору Тайбай, высота которой составляла 108 *ли* (на самом деле 3078 м) и на которой даже в летнюю жару не тает снег. Оттуда я прибыл в монастыри Эрбань и Дабань и в конечном итоге добрался до вершины Далунчи (Пруд великого дракона), где воды этого пруда делятся на четыре горных потока. Пройдя через город Цзыу, я достиг округа Ханьчжун, где посетил много исторических мест, таких как терраса, на которой император династии Хань Гао-цзу отдавал дань уважения своим генералам, храм Чжугэ Ляна в Баочэне и вечный огонь в честь Чжан Фэя. Миновав Лундун и пройдя через заставу Тяньсюн, я достиг Малого Эмэйя, заставы Цзяньмэнь (Ворота меча), монастыря Боюй, заставы Байма и гробницы Пан-туна и наконец прибыл в храм Вэнь-чан в провинции Сычуань. Преодолевая препятствия на пути по этой местности, мне пришлось подняться на гору Цицой (Семь изгибов) и пересечь поток Цзюцой (Девять изгибов), не говоря уже о заставе Цзяньмэнь, которая на самом деле походила на лезвие меча, перекинувшегося мостом между двумя крутыми скалами, как бы в подтверждение древнего изречения, что здесь один воин отразит нападение армии из десяти тысяч солдат.

Наверху располагался город Цзяньвэй, где Бо Юэ некогда командовал гарнизоном. Было трудно пройти по дощатому мосту, перекинутому через пропасть, недаром древние говорили, что «легче подняться в небо». Продолжая путь, я достиг округа Наньсинь к югу от Гуанханя, где остановился в монастыре Баогуан и встретил там Новый год. Я шел в одиночку, имея при себе лишь чашу и монашеское платье, не обремененный лишней ношей, шел по горам куда глаза глядят и пересекал реки, а красота природы помогала очистить сознание.

²³ Патриарх школы лу, практикующей *винаю*.

²⁴ Выдающийся учитель, родом из Кучаня, пришедший в Китай в IV в. Известен рядом переводов *сутр*, выполненных с помощью талантливого китайского помощника, Сэн-чжао. Захваченный в плен во время войны, Кумараджива был доставлен в Чанъань (современный Сиань), где был основан центр переводов. Он умер там в 412 г.

Мой 49-й год (1888–1889)

В первый месяц я покинул монастырь Баогуан и начал свое путешествие по направлению к столице провинции Сычуань, Чэнду. Там я почтил зал Манджушри в монастыре Чжаоцзюэ, а также монастырь Цаотан и храм Циньян. Оттуда, пройдя через Хуаян и Шуанлю, я направился на юг и подошел к уездам Мэйшань и Хунъя и шел дальше до тех пор, пока не достиг подножия горы Эмэй. После посещения пещеры Цзюлао при храме Фуху (где некогда Чжао Гунмин практиковал даосизм) я взобрался на вершину Цзиньдин горы Эмэй, где совершил воскурения.

Ночью я увидел над головой нечто подобное созвездию – бесчисленные «огни Будды», красота которых была неопишима. Я навестил настоятеля Инчжэня в монастыре Баогуан, где остановился на десять дней. Из монастыря Ваньнянь, в котором почтил зал Вайрочаны, я спустился с горы и пошел дальше, пока не достиг Ячжоу. Пройдя через уезд Жунцзин, я достиг Лудина вблизи западной границы провинции Сычуань и на пятом месяце пересек реку Лу. Недалеко от города Яаня через реку Дафу перекинут подвесной мост Лудин на металлических цепях, в 300 *чжанов* длиной (103 м). Он раскачивался, когда по нему шли, что требовало большой осторожности и обычно пугало путников. Двигаясь на восток, я прошел через Дацзяньлу, Литан (также называемый Лихуа), Батан (также называемый Баань) и оттуда, пойдя на север, достиг Цамдо. Продолжая свое путешествие на запад, я прибыл в Шиду, в Аланьдо²⁵

²⁵ Шиду и Аланьдо – китайские транскрипции местных географических названий. К счастью, Лари может быть легко идентифицирован и дает представление о его окрестностях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.